

УДК 18:159.964:616.895.8

Елена Соболевская

КОЛЛЕКТИВНОЕ БЕЗУМИЕ, ИЛИ С УМА СХОДЯТ НЕ В ОДИНОЧКУ

Данный текст представляет собой попытку зафиксировать поток сознания человека, неожиданно ощутившего себя чуждым в механистически устроенном социальном сообществе. Автор выявляет ряд подобных случаев в области поэтического и философского творчества. Ключевая проблема текста: возможно ли провести четкую границу между шизофренией (или расстройством мышления) и философско-поэтическим творчеством.

Ключевые слова: коллективное безумие, маниакально-депрессивный психоз, шизофрения, поэзия, философия.

В последнее время я все чаще замечаю у себя явные признаки социально-исторической и пространственной дезориентации, а в дополнение к этому – эмоциональной неадекватности. Во мне и раньше какой-то ущербный, некоммуникабельный индивид жил, который зачастую в качестве опасного члена устоявшихся человеческих сообществ расценивался, а сейчас – ну просто окончательное биполярное расстройство (расстроенность, конечно, звучит лучше), или же – прибегая к профессионально необратимому звукомыслу – маниакально-депрессивный психоз. За рамки нормы выхожу, не соответствую реальным жизненным обстоятельствам: то в чрезмерно повышенную двигательную-речевую активность и безудержный гнев впадаю (как, между прочим, и сейчас), то вовсе отказываюсь в чужом и чуждом мне механистически устроенном социуме со всеми его запретительными порядками функционировать. Я, конечно же, пытаюсь этот оголившийся строй души своей имманентной ветошью прикрыть и выглядеть как нельзя прилежней, но шила в мешке не утаить. Слишком уж окружающим глаза колет, не Богом данный слух режет, отягощает исключительно поисками хлеба и зрелищ отягощенных ношею несусветной и посему теперь уже однозначно в качестве сумасшествия расценивается. Мда... Тонкости именованья для не вызывающих опасений индивидов это, разумеется, пустая трата времени, тогда как я со всею тщательностью дискурс безумия осваивать буду, то есть остатки основ рационального мышления (своего и мимоходом окружающих) безжалостно подрывать. Ведь дело тут вовсе не в типичном, наспех поставленном, а потому дефектном диагнозе, но именно в его неисчислимых разновидностях и оттенках – в сумаспешествовании... в сумаспястствовании...

С сумой спешу... спею... нет, плод уже поспел для того, чтобы с ума пешком сойти, от него родимого, на протяжении многих лет меня бесцеремонно

сопровождавшего, напрочь отдалиться, пойти тропами неведомыми, не знать куда ведущими... Наконец изумиться, выйти из ума... сдвинуться, утратить обеспечивающее социальный рост местопребывание... свихнуться, вывихнуть сустав разума... рехнуться, тронуться в путь, скитаться... с мухой в голове себе на уме в одиночестве без скита блуждать... СУМАСПЯТСТВОВАТЬ. Интересно все же, душа у меня в пятки при таком раскладе уходит или сердце в нижние конечности нисходит кровотоком улучшать? Хотя какая разница?! Результат один – dementia graecox, то есть слабоумие, приобретенное естественным ходом развития личности. Вместе с ним, однако, приобретаются и основания абсолютно непредвиденных последствий. И все сие несметное и, как видим, многоговорящее богатство я получаю по прошествии нескольких дней вынужденного удерживания себя в упорядоченном, строго регламентированном, не терпящем хаотичных элементов человеческом сообществе...

Главное вовремя распознать патологию, то есть безумие, то есть болезненное отклонение от нормального состояния (которое, никуда не денешься, у меня наметилось), тогда возможно, как говорят собаку на этом деле съевшие профессионалы, лечение нейролептиками ну или хотя бы периодическая профилактика в группах самопомощи с участием более опытных больных. И дабы не вызывать сумятицу (а её этимологическое происхождение, попутно заметим, труднонаходимо) и не призывать дорогостоящих психиатров к близким и родственникам, которые ни на шутку могут этой сумятицей обремениться, я таки излечиться пытаюсь. А именно: принимаю участие в само собой организующихся групповых дискуссиях с более опытными, давно уже сдвинувшимися с общепринятого местопребывания собеседниками, то есть с теми, кто в трансцендентном тепер уже без всякой крыши пребывает, ну или – на крайний случай – с теми, кто туда время от времени с повредившейся крышей попадает. Излечиться это, откровенно говоря, не помогает, но кровотоком в нижних конечностях усиливает, и какое-никакое успокоение на короткий срок приносит. Границы времени, эпох, пространств стираются, как будто их никогда и не было. Цветаева, например, от лица Эвридики с Орфеем или же Офелии с Гамлетом разговаривает. Да что там Эвридики и Офелии! – С пророчицей Сивиллой и даже Иисусом Христом себя отождествляет. Пастернак в сестры себе саму Жизнь избирает и, по-видимому, с подачи Марины, Марию Магдалину, то есть ипостась другого, а точнее – другой, в себе обнаруживает. Волошин без всяких околичностей Вечным Жидом себя именует, Есенин по белым кудрям дня, не задумываясь, в путь пускается ... а этот безнадежно темный, косноязычный акмеист Осип, в

летейском беспамятстве свои песни слагающий, и вовсе не знает, что ему со своим телом делать... Все знают, понимаете ли, а он – нет! (Тогда как на самом деле никто, кроме Манделъштама, не знает, что у него *его* тело есть, и к тому же – единое.) Да и я от вышеперечисленных ничем (в данной плоскости) не отличаюсь: от лица Сократа его учеников в неисполнении последней воли учителя укоряю, Гераклитом Эфесским в поисках Логоса в темноты слога от людей ухожу, Эдипом, собирающим время, себя ощущаю, и к тому же в кайрос, который нужно ни много ни мало родить самостоятельно, попасть пытаюсь...

Ну что тут скажешь?! – Явные признаки уже не то чтобы нарастающей, а просто тотальной мегаломании и отсутствие всякой в человеческом сообществе утвердившейся самоидентификации. Попросту говоря (а попросту теперь уже, хоть убей, не получается): стойкий, вычурный бред, бредом исходящий контакт с инопланетянами (планета у нас, конечно, одна, но мир потусторонним и посюсторонним по-прежнему именуется). И вот в таком стойком, однако, небезопасном бредовом состоянии я и берендею... сбрендиваю... борюсь... прею, – в общем, агон живота и смерти творю, потворствую брачующимся... СУМАСБРОДНИЧАЮ... Чаю в сумасбродство окончательно погрузиться... Когда с ума начинаешь сбредать, то вброд, конечно же, не идешь – напролом рвешься прямо к невидимому собеседнику, или сразу к нескольким (это уж как придется). Вот на днях дело было. Начинаю говорить с невидимым, все из той же братии собеседником и, если мне видимые собеседники, вернее, не собеседники, но претендующие на беседу, мешают, то есть вмешиваются в мою с невидимым собеседником беседу, то я не то что бред понести, а и вред нанести могу. (Об этом, кстати говоря, помнить нужно, прежде чем с неромантичными, мертворожденными, или же символически бессодержательными, или же метафизически неприличными вопрошаниями ко мне приставать.) Так вот... Андрей Белый, последний из приходивших, особенно занимателен. На публичных выступлениях танцевальные па выделял, совершенно искренне, ни на минуту не сомневаясь, реинкарнацией Микеланджело Буанаротти себя считал, с Единорогом в диалогических и даже более тесных отношениях состоял, а влюбленных в него девушек понуждал до разговора с ним непременно «Критику чистого разума», а заодно и «практического» вдоль и поперек познать (по-видимому, чтобы с ним уже *als ob* поступать, то есть не поступать). Безбрежным, безначальным существом Белый был. Не знал, где его конец, где начало. Заведомо неисполняемые симфонические произведения по молодости лет, ещё будучи Борисом Бугаевым, в тайне от отца писал, золото в лазури усматривал, метели бокалами мерил! Врубель,

кстати говоря, тоже берегов не видел. И вот по этой видимой причине, которая, однако, была видимой исключительно в поступках невидящего, ему небрежно запрещали без природы рисовать, только с природы можно было. Тем самым домашние его, враги рода человеческого, берега обозначали, чтобы сильно веслами не махал в погоне за невесть откуда берущимися русалками. Мне тоже нельзя без природы моим хрупким умом обходиться... по кудрям ночи веслами прямо так и режу. ... не знаю, смогу ли на сей раз из этого бродильного морока на свет Божий относительно неврелимым субъектом выбраться...

Конца ждете?! Отсидеться в своем истом мраке вздумали?! Не тешьтесь надеждами тщетными. Не выйдет! Нет границ у безумия! Буду орать почему зря во всю ивановскую. С ума коллективно сходят.

Разница только в изысканности поставленного диагноза и его очевидной симптоматике. И не надо мне о Ницше напоминать, без вас знаю – ядерная мозаичная шизофрения. (Красиво звучит. Ничего не скажешь. Есть все же среди психиатров не убитые профессией индивиды.) А симптоматика какова! Обзавидуетесь! – Обнимался с лошастью на центральной городской площади, мешая уличному движению, громко пел, постоянно играл на фортепиано, потерял представление о ценности денег, исписал несколько листов странными фантазиями, друзей и близких стал почитать в качестве врагов. (А в каком качестве их ещё почитать прикажете, если они тебя, по ту сторону добра и зла ступившего, опять эти райские яблоки, от которых всё зло пошло, то и дело вкушать понуждают?!) И далее: отправлял письма невразумительного содержания своим приятелям, а также – философу Шопенгауэру, канцлеру Бисмарку, кайзеру Вильгельму и подписывал корреспонденцию маловразумительными для тогдашних психиатров именами: Дионис, или Распятый, Феникс, Антихрист, Чудовище. – Ну и что?! С близкими ему уже говорить не о чем было, а вот Канцлеру и Кайзеру было на что указать. – Цветаева тоже поздравительное письмо с Новым годом переселившемуся на тот свет Рильке писала, Бродский сквозь века к Горацию с интимными подробностями обращался, и даже Пушкин, по Аккерманским степям скитаясь, тристиоподобным слогом к Овидию взывал. Да и я, в свою очередь, дурака не валяю. Демонстративный акт по рассылке писем умершим не совершаю, но с Мариной более чем полжизни в интимной переписке состою, Ахматовой Вариации на заданную ею тему воздушными путями отправляла, с Волошиным не единожды темные восторги расставанья в адресованной ему корреспонденции разделяла. Да, чуть не запамтовала. На днях опять-таки Осипу, а по жизни – Иосифу, то есть Бродскому, пришлось послание с благодарностью отправлять, а то что-то он в последнее время засиживаться повадился и как раз тогда, когда

я самым что ни на есть делом занимаюсь, то есть ТУНЕЯДСТВУЮ, то есть: втуне почем зря хлеб духовный яду. Всё меня субъекта, идеологически неблагонадежного, а на самом деле только лишь на благо, а не на сиюминутную идеологию уповающего, предостерегает, дабы за пределы комнаты не выходить. Только в уборную, – говорит, – и сразу же возвращайся, а ещё лучше – слейся лицом с обоями и забаррикадируйся. Один, как известно, стаканами отгораживался, другой – шкафом, и что примечательно – оба от социума баррикады строили, от эроса и вируса отделаться пытались. До Пушкина и Овидия, правда, дело пока не дошло (хотя близ того самого Аккермана брэнное существование влачу), но с Соловьёвым по поводу возможного пришествия Антихриста мы ежеутренние разговоры ведем... А возвращаясь к участи гениального мыслителя, добавлю, что ни герцогом Кумберлендским, ни императором я себя не считаю, и Бисмарк мне у дверей не прислуживает (заслужить ещё надо!), но частое гримасничание во время разговора, восторженный тон, напыщенные выражения, учтивые поклоны близким и даже врагам своим, нескончаемые бредовые бормотания, испускания нечленораздельных звуков и даже частые вышагивания по комнате величавой поступью мне хорошо известны. На центральную площадь я также в поисках лошади не иду, но вот с котом посреди жилища обнимаюсь и даже проявляю насильственные действия по отношению к ополоумевшему от моих притязаний животному и при этом явно мешаю привычному, далеко не вялотекущему движению домочадцев.

А вот ежели мои невидимые собеседники не приходят или я их слышать перестаю, то моя настроенность от маниакальной устремленности в депрессию буквально-таки низвергается... Бесцельно брожу в полном помрачении чувственности, и далее – рассудка и того самого единства трансцендентальной апперцепции, поскольку на месте этих, равно всем живущим присущих априорных форм у меня актуализируется *апперцепция сплошь мозаичная*... с выкрутасами. Своё вчерашнее «я» с сегодняшним никак соединить не могу. Нелепые поступки совершаю и более чем нелепые страхи переживаю. (Нелепость, однако, на долю по эту сторону находящихся приходится.) Например, от лица мужского пола с бухты-барахты говорить начинаю, боюсь сочетания отдельных букв и звуков или, скажем, вообще не желаю поло-отличительные признаки на письме фиксировать. А ведь этим нежеланием ещё Малларме в своё время страстно болел. Теперь-то я его глубинное отчаяние полностью разделяю. Изыскиваешь инфинитивы, в безличные формы от греха подальше вживаешься, дабы незамутненным взором символы прозревать, и **вот тебе**, наконец отрешившемуся, на пол указывают. Так что собака тут вовсе не в

серотонине и его синтезе зарыта, то есть не в шишковидной железе. (Бедное животное: то его съедают, то закапывают.) Просто не могу в этом рационально обустроенном тупике находиться, в то время как антихриstopодобные индивиды скоропостижно и главное – вовсе не символически размножаются... Тупиковая нормальность. Ничего не понимаю в этой трансцендентально-непротиворечиво-глубоко-спящей человекоустроенности!

Стерилизация чувств, ума, низведение до рассудочной, примитивной деятельности или же профессиональное возведение в область чистых, безжизненных схем и понятий, туда, где человеку уже все равно, настоящий он или просто Кай, то есть *член посылки дедуктивного умозаключения*. Чувства и чувственность за патологию принимаются, а те, которые не принимаются, это выхолощенные, мертвые, уже-не-чувства, а всеобщие законы человековыхолощенности. Не хочу я спокойного сна и уверенности в себе и дне завтрашнем! Не хочу! И полезу на любые вершины, пойду по самым узким, головокружительным тропам, ибо я боюсь не духовного головокружения (из него много выходов и исходов), а тупиковой успокоенности, этого всеобщего предиката человечества: «быть со всеми, думать как все!» Не буду со всеми думать! Буду осквернять своими неистовыми, безудержными речитативами до неузнаваемости профанированный, неизлечимо больной способ бытия!...

Осквернять... сквернословить... скверно выражаться... скверна... Со скворцом что ли связано по весне пронзительно орущим...? Попыталась найти этимологию слова СКВЕРНА. Гугл подсказывает: СКВЕРНА ЗЛОЯЗЫКОГО. Ну ладно, злыязыкого, так злыязыкого... Ведь осквернять только злыязыкий и может. Итак, читаю: «Наполните церуленовый флакон покрытием в оранжевом пруду Мародона. Полейте гнусь-лозу из полного церуленового флакона, выгнав ядовитую лозу. Исцелите 8 растений, убивая ядовитые лозы, и вернитесь к Талендрии из Высоты Найджела...» [1].

И тут засада! Вот уж действительно коллективное безумие! – Патологические продукты разума и морали. А вы говорите, Ницше сумасшедшим был?! Он просто не хотел правильностям этого мира обучаться, дабы в насквозь прогнившем общественном безумии не увязнуть и во избежание более тяжелых последствий социальную адаптацию потерял. А поскольку моя адаптация, впрочем, как и репутация, безвозвратно утеряна, то я лучше с Фридрихом в четыре руки пьяно форте играть буду, чем вашу гнусь-лозу из церуленового флакона поливать.

Список использованной литературы

1. Скверна Злыязыкого [Электронный ресурс]. – Режим доступа к источнику: <http://db.wowraider.net/quest/7041/ru/Скверна-Злыязыкого>.

Олена Соболевська

**КОЛЕКТИВНЕ БОЖЕВІЛЛЯ, АБО З РОЗУМУ СХОДЯТЬ НЕ
ПОДИНЦІ**

Цей текст являє собою спробу зафіксувати потік свідомості людини, яка несподівано відчула себе чужою у механістично упорядженому соціальному співтоваристві. Автор виявляє ряд подібних випадків в області поетичної і філософської творчості. Ключова проблема тексту: чи можливо провести чітку межу між шизофренією (або розладом мислення) і філософсько-поетичною творчістю.

Ключові слова: колективне божевілля, маніакально-депресивний психоз, шизофренія, поезія, філософія.

Elena Sobolevskaya

SCIENCE INDEX (SPIN-cod): 3893-7674.

COLLECTIVE MADNESS, OR ONE CAN NOT GO MAD ALONE

This text represents an attempt to capture a stream of consciousness of the person who suddenly felt as a stranger in a mechanically arranged social community. The main feature of this consciousness is sharp, often unpredictable despondency and not less sharp, also unpredictable spiritual rises. It can be characterized as bipolar disorder, or manic-depressive psychosis. However, this state both in case of despondency and in case of spiritual rise can be the basis for creative activity. The perceived reality appears real as if it is seen for the first time. The author reveals a number of similar cases mainly in the field of poetry and philosophy, such as: Tsvetaeva, Pasternak, Mandelstam, Andrei Bely, Nietzsche and others. For the most part their works and life aren't understood and aren't accepted by society and can be considered as madness. However, in terms of creative consciousness, life of mechanistically arranged society, especially in realities of the technogenetic civilization can also be considered as collective madness. The key problem of the text is: who is mad and whether it is possible to make a clear distinction between schizophrenia (or disorder of thinking) and philosophical and poetic creativity.

Keywords: collective madness, manic-depressive psychosis, schizophrenia, poetry, philosophy.

References

1. Skverna Zlojazykogo [Filthiness of the foul-mouthed].– Rezhim dostupa k istochniku: <http://db.wowraider.net/quest/7041/ru/Скверна-Злоязыкого>.